

УДК: 81'276.6:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49

АДРЕСАТНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ В ПУБЛИЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В.И. Карасик

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
пр. Ленина, 27, г. Волгоград, Россия, 400066

Рассматривается публичный политический дискурс на материале выступлений официальных лиц в Организации Объединенных Наций. Охарактеризованы подходы к изучению дискурса (тематический, институциональный, тональный и перформативный), выделены основные типы адресатов в политическом дискурсе (широкая публика, основные оппоненты, профессиональные интерпретаторы). Выявлены два типа самопрезентации в докладах на международном форуме: акцентирование интересов своего государства либо мирового сообщества. Стилистика выступлений докладчиков на сессии Генеральной Ассамблеи ООН соответствует канонам речи дипломатов, но в ряде случаев намеренно выходит за рамки этих канонов, что свидетельствует об экспансии медийно-развлекательного дискурса в официально-дипломатическую коммуникацию. Тональность выступлений политиков является важнейшим индикатором приоритетов, определяющих вероятность практических действий различных государств на международной арене.

Ключевые слова: политический дискурс, институциональная коммуникация, адресатная специализация, эмоционально-стилевой формат, вербальное поведение

ВВЕДЕНИЕ

Публичный дискурс представляет собой вербальное общение с неопределенно широкой массой адресатов. Системообразующим признаком политического дискурса является борьба за власть [Астафурова, Олянич 2008; Базылев 1998; Балашова 2014; Баранов 1997; Блакар 1987; Будаев, Чудинов 2006; Водак 1997; Купина 1995; Попова 1995; Шейгал, 2004; Bergsdorf 1978; Bitzer 1981; Chilton 1994; Denton, Woodward 1985; Diekman 1969; Dijk 1995; Graber 1981; Meadow 1980; Zimmermann 1975]. В этом плане особенность публичного политического дискурса состоит в адресатной специализации — дифференцированном воздействии субъекта речи на разные типы адресатов, при этом такое воздействие часто осуществляется синкретично в одном и том же высказывании. Представляется, что для каждого типа институционального дискурса характерны определенные разновидности адресатов, которые выделяются на основании базовых установок участников соответствующего дискурса. Адресатная специализация применительно к разным типам публичного дискурса еще недостаточно освещена в научной литературе [Карасик 2016; Попова 2011].

В современном обществе политическая власть получает легитимный статус на основании демократического выбора населения, соответственно важнейшим адресатом публичного политического дискурса является широкая масса избира-

телей, и кандидат на выборную должность стремится сформулировать свою программу и сформировать свой имидж таким образом, чтобы максимально эффективно учесть предпочтения разных групп электората. Тем не менее, вербальное осуществление прямого и косвенного воздействия на избирателей в прагмалингвистическом плане характеризуется общностью коммуникативных стратегий.

Политический дискурс состязателен по своей природе, и по этой причине любое выступление политика неизбежно представляет собой борьбу с соперником. Такая борьба ведется по канонам принятого в обществе агонального поведения, при этом ее участники в полной мере отдают себе отчет в том, что максимальный эффект в публичном поединке возникает при столкновении, выходящем за рамки привычных конвенций, поскольку публичный поступок политика включает зрелищные постановочные элементы, благодаря которым политик набирает очки и запоминается публике.

Борьба за власть предполагает наличие группы поддержки у каждого из участников этой борьбы, профессионально подготовленных советников и помощников, разрабатывающих концепцию политика и осуществляющих режиссуру его публичных поступков. Специфика такой режиссуры заключается в том, чтобы поведение главного действующего лица было в максимальной степени естественным и выглядело спонтанным. Адресатами политического дискурса в этом плане выступают профессионалы, обычно представители иных политических сил, которым демонстрируется арсенал приемов и методов воздействия на широкую аудиторию. Есть определенное сходство между рекламным и политическим дискурсом, поскольку эти типы коммуникативной интеракции строятся по определенным моделям, составляющим технологию воздействия на публику.

Такая специализация адресатов политического дискурса не исключает наличия других типов адресатов, но здесь важно подчеркнуть, что основанием для выделения соответствующих типов является их доминирующая функция в институциональном дискурсе.

Существующие подходы к изучению институционального дискурса можно разбить на четыре группы. К первой относятся описания дискурса на основании его тематики. Этот подход включает множество исследований, посвященных экономическому, экологическому, гастрономическому и многим другим типам дискурса, их число практически бесконечно. Тематический подход к дискурсу позволяет выделить ключевой объект описания и построить топик общения, это дает возможность выделить ключевой словарь по теме и поэтому соответствует традиционному пониманию содержания текста и текстотипа [Баранов 2008] как жанровой разновидности дискурса, сюда относятся также политические нарративы и рассуждения политологов. Достоинством такого подхода является измеримость рассматриваемых единиц и вытекающая отсюда высокая объективность получаемых выводов. Применительно к политическому дискурсу предметом изучения оказывается в таком случае любой текст на политическую тему — от партийной программы до системы лозунгов и от инаугурационной речи до политических анекдотов.

Вместе с тем при таком подходе к пониманию и описанию политического дискурса вне поля зрения исследователя оказываются коммуникативная личность политика как институционального субъекта и ситуативные особенности общения, определяющие его собственно дискурсивную специфику. Реальные участники общения в первом случае — это не политики, а наблюдатели, которые выражают свое мнение по поводу тех или иных политически релевантных тем. Типология таких субъектов может быть построена на разных основаниях, сюда входят политологи, историки, частные лица («пикейные жилеты»), обсуждающие в устном и письменном общении проблемы политики (в наши дни Интернет дает возможность многим выступить в этой роли), авторы художественных произведений, сюжеты которых отражают политические события, мемуаристы и т.д.

Второй подход к пониманию институционального дискурса акцентирует специфику института, а не текста как средства общения [Карасик 2002]. Соответственно, его субъектами выступают представители того или иного института и граждане, вступающие во взаимодействие с этим институтом. Если первый подход по своей сути является объектным, то второй можно определить как субъектный, или точнее, как институциональный. В рамках этого понимания дискурса прежде всего определяется социально значимая цель общения: борьба за власть в политическом дискурсе, приобщение к вере — в религиозном, социализация — в педагогическом, познание истины — в научном, информативно-развлекательное воздействие — в медийном и т.д. Цель дискурса в этом смысле является основанием для выделения того или иного социального института. Описание такого дискурса сводится к установлению характеристик его основных участников и определению временных и пространственных параметров его осуществления (хронотоп, по М.М. Бахтину, — начало и завершение судебного заседания и зал суда для юридического дискурса, границы школьного урока и учебное помещение — для педагогического, беседа терапевта с пациентом в поликлинике — для медицинского и т.д.).

Существенными оказываются коммуникативные стратегии, используемые в общении, например, построение позитивного собственного имиджа и негативного имиджа конкурента в политическом дискурсе, доказательство, опровержение, верификация в научном дискурсе, привлечение внимания к товару, его продвижение и аргументация в пользу его приобретения в рекламном дискурсе. Сюда относится и описание жанров того или иного институционального дискурса — исторически сложившихся конкретных форматов общения в рамках ситуативно определенной коммуникации — лекция, семинар, экзамен, защита дипломной работы в академическом дискурсе, парламентские прения, листовки, предвыборные дебаты в дискурсе политическом. Достоинство этого подхода заключается в выявлении и описании компонентов коммуникативной ситуации, представляющей собой единицу институциональной реальности. Сложность такого понимания дискурса логически вытекает из его многомерного моделирования, в результате чего традиционно выделяемые области научного описания в известной степени оказываются размытыми. Многие жанры институционального дискурса обнаруживают гибридную природу. Например, популярно-медицинский дискурс (выступ-

ления врачей или журналистов перед широкой аудиторией на медицинскую тему) по объекту общения относятся к медицине, а по способу осуществления, по ситуативно-коммуникативным характеристикам являются разновидностью медийного дискурса. Аналогичным образом интервью политика по жанровым признакам относится к медийному общению, а по тематике и целям коммуникации это политический дискурс, включающий элементы рекламы и развлекательного шоу.

Третий подход состоит в определении коммуникативной тональности — эмоционально-стилевого формата общения. Общение может быть официальным либо бытовым, серьезным либо шутивным, обиходным либо ритуальным, информативным либо фасциативным, идеологически нейтральным либо акцентированным, направленным на прямое либо завуалированное выражение смысла и т.д. Список тональностей общения достаточно широк, лингвистически релевантной процедурой установления тональности является комментарий к высказыванию в виде обстоятельства образа действия при глаголах речи (*он сказал/заметил/спросил шутивно, взволнованно, безучастно, ласково, насмешиливо, ехидно* и т.д.). Такой подход дает возможность охарактеризовать взаимоотношения между коммуникантами.

В институциональном общении мы сталкиваемся с разными видами тональности — от сугубо официального протокольного диалога во время судебного заседания до эмоционально маркированных поступков участников политических дебатов. Этот подход является прагмалингвистическим по своей сути. Его достоинство заключается в характеристике коммуникативного поведения различных людей в их диалогических интеракциях. Такое поведение обусловлено не только личностными качествами коммуникантов и их отношениями друг к другу и к предмету речи, но и сложившимися нормами культуры [Костомаров 1994]. Например, ироническая тональность воспринимается как естественная в научном дискурсе, но вызывает протест в разных жанрах религиозного дискурса. Политический дискурс достаточно часто носит официальный и ритуальный характер, по определению является идеологически маркированным и при этом может быть полемическим, ироническим, саркастическим и остроконфликтным.

Трудность выделения типов дискурса на основании разновидностей коммуникативной тональности состоит в установлении оттенков эмоций и стилевых модусов общения (например, интуитивно мы чувствуем разницу между наглым и нахальным вопросом, подлинным либо наигранным волнением, но измерить и объективировать такую тональность бывает достаточно сложно).

Четвертый подход направлен на выделение и описание социально значимых действий, которые совершают участники общения. Если в первом случае мы уточняем, о чем идет речь, во втором — кто участники коммуникативной ситуации, в третьем — в каком ключе осуществляется общение, то в четвертом — каковы коммуникативно значимые поступки участников диалога. Этот подход базируется на теории социального действия, обоснованной М. Вебером и включающей четыре типа действий, противопоставляемых по признаку рациональности: 1) целерациональные (направленные на достижение конкретного результата), 2) ценностно-рациональные (предпринимаемые для подтверждения определенных норм об-

щества), 3) аффективные (выражающие эмоции), 4) традиционные (выполняемые в соответствии с ритуалами). Ю. Хабермас уточняет эту схему, выделяя четыре основных типа действий: 1) телеологические (сориентированные на достижение поставленной цели), 2) нормативные (осуществляемые для подтверждения своей принадлежности определенному сообществу), 3) драматургические (реализуемые для построения своего имиджа в глазах партнеров), 4) коммуникативные (организуемые для достижения взаимопонимания) [Habermas 1984: 85—86]. Этот подход детально разработан в теории перформативных действий (поступков, меняющих статус участников коммуникации) (Остин, 1986) и может быть определен как перформативный. В рамках политического дискурса его участники характеризуют реальность как действительную либо возможную, берут на себя обязательства, призывают адресатов совершить то или иное действие, присваивают себе и другим определенные статусные характеристики, демонстрируют знаки солидарности, групповой идентичности и т.д. Плюсы такого понимания институционального дискурса состоят в возможности описания установок и норм поведения в том или ином социальном институте и, соответственно, в определении ценностной картины мира его участников. Сложность моделирования институционального дискурса с прагматингвистических позиций состоит в доказательстве объективности полученных данных, т.е. в обосновании методов и приемов исследования.

Эти подходы не исключают друг друга, а являются взаимодополнительными.

С учетом сказанного охарактеризуем адресатную специализацию в публичном политическом дискурсе на примере выступлений политиков на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Генеральная Ассамблея представляет собой совещательный, директивный и представительный орган Организации Объединенных Наций, включающий на сегодня 193 члена и предназначенный для обсуждения актуальных вопросов поддержания мира и безопасности во всем мире. Ассамблея ежегодно собирается с сентября по декабрь. Участниками политического дискурса на этом форуме являются высшие представители исполнительной власти различных государств, дипломаты, журналисты, переводчики и опосредованно все мировое сообщество, получающее информацию о заседаниях в отчетах журналистов и в виде публикаций докладов, тиражируемых в СМИ.

В своем первом выступлении на Ассамблее 19 сентября 2017 года Президент США Дональд Трамп (<http://inosmi.ru/politic/20170920/240335250.html>) охарактеризовал международную обстановку, выделив в качестве узловых угроз для современности терроризм и авторитарные режимы:

Террористы и экстремисты набирают силу и распространяются по всей планете. Режимы-изгои, представленные и в этом зале, не только поддерживают террористов, но и грозят другим странам и своим собственным народам самым разрушительным оружием в истории человечества. Власть и авторитарные режимы пытаются подорвать ценности системы и альянсы, которые предотвращают конфликты и ведут мир к свободе со времен Второй мировой войны. Международная преступность торгует наркотиками, оружием, людьми, провоцирует массовую миграцию, угрожает нашим границам и создает новые формы агрессии, используя инновационные технологии для запугивания наших граждан.

Специализация адресатов этого обращения позволяет установить три типовые группы участников политического дискурса. К первой группе относится все мировое сообщество получателей информации, включая официальных лиц, и все человечество в виде читателей и слушателей масс-медиа. Президент США прямо называет врагов своей страны и всех народов мира — террористы, экстремисты, международные преступники и режимы-изгои. Определены действия этих субъектов: угрозы самым разрушительным оружием в истории человечества, торговля наркотиками, оружием и людьми, действия, провоцирующие массовую миграцию, осуществление новых видов агрессии, использование новых технологий для запугивания людей во всем мире. Такое позиционирование в речи Д. Трампа реализуется в виде оппозиции своих и чужих, к первым говорящий относит свою страну и тех, кто разделяет ценности американского народа, ко вторым — тех, кто противостоит этой системе ценностей.

Оппозиция «свои — чужие» поддерживается серией бинарных противопоставлений: успех команды действующего президента на прошедших выборах в США — поражение его политических противников; новые открытия и технологические возможности, позволяющие радикально улучшить жизнь многих людей — угрозы человечеству, усиленные возможностями новейших технологий; демократизм как базовый принцип политики США — авторитарность как отсутствие демократического устройства общества; значимый отказ США от территориальной экспансии — подразумеваемое отсутствие такого отказа со стороны оппонентов Америки; активное противодействие разрушительным тенденциям в развитии мирового сообщества — благодушное игнорирование этих тенденций; реализм политики США — нереалистичность планов со стороны конкурентов этой страны; добропорядочное большинство государств — порочное меньшинство.

Оратор прямо и недвусмысленно обозначает приоритеты государственной политики своей страны: это отстаивание собственных интересов, продвижение американских ценностей путем демонстрации своих успехов, активное противостояние режимам, позиционирующим себя в качестве врагов США, противопоставление руководства и населения в этих странах, сосредоточенность на проблемах внутренней политики в США и вытекающая отсюда экономия по отношению к помощи другим государствам.

Политические оппоненты нынешней администрации США — вторая группа адресатов — обозначены в речи Д. Трампа прямо: это лидеры Северной Кореи, Ирана и Сирии, которые названы руководителями тоталитарных режимов, приносящими вред своему народу и угрожающими всему миру, это президент Венесуэлы, провозгласивший свою приверженность идеалам социализма и коммунизма. Заслуживает внимания пассаж, характеризующий внутривнутриполитическую борьбу в США:

У себя в Америке мы стремимся укреплять деловые и торговые связи со всеми странами доброй воли. Но такая торговля должна быть справедливой и взаимной. Слишком долго американскому народу говорили, что гигантские многосторонние торговые сделки, никому не подотчетные международные трибуналы и влиятельные международные бюрократические аппараты — это лучший способ обеспечить

ему успех. Но пока звучали эти обещания, страна лишилась миллионов рабочих мест и тысяч заводов и фабрик. Находились и такие, кто обманывал систему и нарушал правила. Наш великий средний класс, составлявший когда-то незыблемую основу американского благополучия, был забыт и заброшен. Но больше это не повторится. Больше этих людей никто не будет игнорировать.

Д. Трамп высказывает критику в адрес своих политических соперников, сосредоточенных в Демократической партии США, воплощением которых являются бывший Президент Б. Обама и главный конкурент действующего Президента на недавних выборах Х. Клинтон. Объектами критики выступают бюрократические структуры в США и международных организациях, обманывающие американский народ и приносящие вред американскому среднему классу, интересы которого стремится выразить Д. Трамп.

Политический дискурс не требует сложных аллегорий и неоднозначных импликаций: речь американского президента прямо выражает политическую волю консервативного американского истеблишмента, ядро которого составляет средний класс англосаксонского населения страны. Обозначив своих политических оппонентов как «чужих», Президент США очерчивает круг «своих» внутри страны и за рубежом. К своим относятся те, кто поддержал Д. Трампа на выборах, и сторонники американской системы ценностей во всем мире, которых докладчик считает политическими реалистами, активно противостоящими разрушительным силам.

Обратим внимание на важную оппозитивную диаду: «добропорядочное большинство — порочное меньшинство». Эта диада отражает существенный сдвиг в массовом оценочном осмыслении демократии. В соответствии с известной схемой структуры концепта, предложенной Ю.С. Степановым, в каждом кванте переживаемого знания можно выделить три слоя — внутреннюю форму, обычно не осознаваемую носителями языка, дополнительные признаки, известные многим, но воспринимаемые как уточнение информации, основной актуальный признак [Степанов 1997: 44].

Исходный смысл демократии — власть демоса, свободного большинства в античной Греции, противопоставляемого аристократии и рабам, дополнительные признаки — система прав и обязанностей, составляющая основу политического устройства современного Западного общества (сменяемость выборной власти, учет интересов всех групп населения, разделение исполнительной, законодательной и судебной власти, независимая пресса и т.д.), основной признак — разрастание оценочного содержания концепта и размывание его понятийных и образных характеристик (демократия — это главная характеристика общественного устройства, свобода, ответственность, прогресс и т.д.) [Филиппова 2007]. Происходит сдвиг в понимании соотношения интересов большинства и меньшинства: в США интересы меньшинств получили в течение последних десятилетий приоритетное выражение по сравнению с интересами большинства, и это положение дел стало распространяться на весь мир, подверженный глобализации. Избрание Д. Трампа отразило сдвиг в сознании американцев: «добропорядочное» большинство требует учета его интересов в первую очередь. Оценочная гипертрофия характерна для

всех политических концептов: в частности, массы не вникают в понятийные оттенки содержания терроризма, этот концепт выхолащивается и превращается в ярлык для обозначения любых проявлений враждебной идеологии.

Специфика воздействия на третью группу адресатов — политологов, спичрайтеров и журналистов — показана в риторике оратора. Обратим внимание на аргументы, используемые Д. Трампом:

К счастью, после выборов 8 ноября прошлого года Соединенные Штаты чувствуют себя очень хорошо. Фондовый рынок находится на максимальной отметке, устанавливая рекорды. Уровень безработицы самый низкий за последние 16 лет.

Оратор акцентирует положительный образ своей страны и своей администрации, показывая экономический прогресс в качестве главного индикатора социального развития.

Скоро наши вооруженные силы будут самыми сильными, какими они были всегда.

Этот тезис представляет собой прямое выражение угрозы потенциальным противникам США.

И только от нас зависит, сумеем мы поднять мир на новые высоты, или позволим ему скатиться в хаос.

В содержательном плане акцентируется ответственность всех правительств за положение дел в мире, риторически выстраивается оппозиция позитивного и негативного развития человечества в виде символического противопоставления добра и зла как верха и низа.

Сильные суверенные страны позволяют человеку жить полной жизнью, дарованной ему Богом.

В этом высказывании смысловым центром является атрибут «сильные»: отсюда вытекает, что судьба мира решается только сильными игроками на политической арене, и большинство должно им подчиниться.

Соединенные Штаты всегда будут большим другом для всего мира, и особенно для своих союзников. Но мы больше никому не позволим пользоваться собой в своекорыстных интересах и заключать односторонние сделки, от которых Соединенные Штаты ничего не будут получать взамен.

Словосочетание «больше не позволим» является ключевым для понимания перспектив развития международных отношений: оратор прямо обвиняет предшествовавшую администрацию США в ошибочной политике, в результате которой американской экономике был нанесен ущерб.

Америка больше делает, чем говорит, отстаивая ценности, изложенные в Уставе ООН. ... Нам нужна гармония и дружба, а не конфликт и вражда. Мы руководствуемся не идеологией, а результатами. Мы проводим политику принципиального реализма, основанную на общих ценностях, интересах и целях.

Активно используется семантический контраст: дело и слово (прямое обвинение разных партнеров в лицемерии), гармония и конфликт, дружба и вражда (констатация приоритетов), результаты и идеология (прагматизм, а не идеологи-

ческие ценности, хотя заметим, что прагматизм — это идеология; слово «идеология» используется как ярлык для обозначения чужих идеологий).

Обращаясь к своим политическим оппонентам, Президент США характеризует их позицию в жесткой тональности осуждения:

Никто не демонстрирует такого презрения к другим странам и к благополучию собственного народа, как безнравственный режим Северной Кореи. Он несет ответственность за голодную смерть миллионов северокорейцев, а также за пытки, убийства, аресты и угнетение бесчисленного множества людей.

В устах оратора его противники показаны как преступники. Эта позиция сформулирована как прямая угроза военного нападения:

У Соединенных Штатов много сил и терпения, но если Америку вынудят защищаться или защищать своих союзников, у нас не останется выбора, кроме как полностью уничтожить Северную Корею.

Президент называет лидера КНДР «человеком-ракетой» (в оригинале *Rocket Man is on a suicide mission for himself and for his regime — Человек-ракета встал на самоубийственный путь для себя и для своего режима*).

В этом ироническом высказывании выражена аллюзия к фантастическому фильму «Человек-ракета» (1997), героем которого является нелепый смешной молодой человек, участник экспедиции на Марс. В ответ на такое обращение северокорейский лидер Ким Чен Ын назвал Президента США «испуганной лающей собакой». Подобный обмен инвективами не характерен для публичной межгосударственной дискуссии. Можно сделать вывод о том, что стилистика политического дискурса на сессии Генеральной Ассамблеи ООН приобретает характеристики драматургически организованного столкновения.

В аналогичной тональности выдержана характеристика руководства Ирана:

Под личиной демократии в Тегеране прячется коррумпированная диктатура. Она превратила богатую страну с многовековой историей и культурой в изгой с полуразрушенной экономикой, главной статьёй экспорта которого является насилие, кровопролитие и хаос. А главной жертвой иранских руководителей стал народ этой страны.

Обратим внимание на контраст: история и культура Ирана — его нынешнее положение, коррумпированная диктатура — иранский народ.

Заключительные слова в цитируемом выступлении представляют собой идеологически маркированный речевой акт взятия на себя обязательства:

Мы будем вместе бороться, будем вместе жертвовать собой, будем вместе выступать за мир, за свободу, за справедливость, за семью, за человечность, за Всемогущего Бога, который сотворил всех нас.

В этом высказывании выражено послание ко всем народам (призыв к совместной борьбе), к политическим оппонентам (ключевое слово — бороться), к спичрайтерам и журналистам (названы доминантные ценности политической элиты США — мир, свобода, справедливость, семья, человечность, Бог).

Выступление на этой же сессии Генеральной Ассамблеи ООН министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова (http://www.mid.ru/foreign_

policy/news/-/asset_publisher) тематически посвящено той же проблематике, что и речь Президента США (актуальные вопросы международной политики), его хромотоп совпадает с характеристиками времени и места для официальной коммуникации людей, имеющих соответствующие полномочия, но тональность и выбор коммуникативных поступков в составе этой речи отличаются от стилистики рассмотренного ранее доклада.

В самом начале своей речи С.В. Лавров напоминает присутствующим об основополагающих принципах международных отношений:

В декабре прошлого года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о содействии установлению демократического и справедливого миропорядка, в которой четко заявлено о недопустимости вмешательства во внутренние дела суверенных государств, непризнании государственных переворотов как метода смены власти, необходимости исключить из международного общения попытки незаконного давления одних государств на другие, включая экстерриториальное применение национального законодательства.

Фактически речь идет о нарушении этих принципов, при этом подразумевается, что именно Соединенные Штаты Америки допускают вмешательства во внутренние дела других государств, организуют государственные перевороты, оказывают давление на правительства других стран. Прямым текстом это, однако, не выражено в соответствии с принятыми нормами дипломатического общения. Такая коммуникативная практика дает возможность коммуникантам в любой момент заявить, что та или иная интерпретация сказанного является субъективной.

Вместе с тем определенные позиции в выступлении российского министра обозначены предельно прямо:

Рассчитываем, что российское предложение будет способствовать урегулированию внутриукраинского кризиса, разразившегося в результате антиконституционного государственного переворота, совершенного ультра-радикалами. Надеемся на конструктивное, без игр с нулевым результатом, взаимодействие в этих вопросах с партнерами — как в Европе, так и в США.

Адресатом этих утверждений является все мировое сообщество, но предполагается, что основной политической оппонент нашей страны — США — верно проинтерпретирует озабоченность российского руководства сложившейся ситуацией. Обратим внимание на ключевые термины: *внутриукраинский кризис* (официальные лица и средства массовой информации на Западе прямо и косвенно говорят о вмешательстве России в ситуацию на Юго-Востоке Украины), *ультра-радикалы* (имеются в виду националистические группировки), *игры с нулевым результатом* (имитация дипломатических усилий). Профессионалы-политологи, выступающие в качестве референтов у официальных лиц, должны сделать выводы о том, что российское руководство не питает иллюзий относительно искренности своих партнеров.

С.В. Лавров говорит о том, что в Европе возрождается реваншизм:

В цивилизованной Европе допускают снос памятников освободителям континента, героям Второй мировой войны, победа в которой создала фундамент Объединенных Наций.

Имеются в виду позорные факты демонтажа памятников советским воинам в независимых странах Восточной Европы. Словосочетание «цивилизованная Европа» приобретает оксюморонный смысл: не могут считаться цивилизованными те, кто допускает подобные действия.

Российский представитель призывает к сдержанному и сбалансированному подходу к решению проблемы на Корейском полуострове: однозначно отрицательно оцениваются *«ракетно-ядерные авантюры Пхеньяна»*, но вместе с тем сказано, что *«нагнетание военной истерии — не просто тупиковый, а губительный путь»*.

Такая истерическая риторика звучит как северокорейской, так и с американской стороны.

Говоря о применении химического оружия в Сирии, российский министр иностранных дел заявил, что такие случаи *«должны расследоваться честно и профессионально, без попыток манипулировать деятельностью Организации по запрещению химического оружия»*, тем самым имплицитно вывод о предвзятом отношении к этой проблеме со стороны противников сирийского Президента. Каждое слово дипломата имеет значимость: высказаны обвинения в нечестности, т.е. стремлении обмануть мировое общественное мнение, и в непрофессионализме, т.е. в недостаточно квалифицированном расследовании.

В речи российского министра уделено внимание новым проблемам современности, вызванным развитием информационных технологий:

Призываем сказать «нет» милитаризации информационного пространства. Нельзя допустить его превращения в арену военно-политического противоборства, использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) как инструмента давления, нанесения экономического ущерба, пропаганды идей террористической и экстремистской идеологии.

Такие технологии являются не только катализатором прогресса, но и в значительной мере порождают вероятность кризиса в разных сферах человеческой активности.

Завершая свое выступление, С.В. Лавров ссылается на тезис античного мыслителя:

Два тысячелетия назад римский философ Сенека писал: «Мы рождены, чтобы жить совместно». Ближе всех к осознанию этой данности подошли отцы-основатели ООН. Они были убеждены (и записали это в Уставе), что само дарованное всем нам Богом сосуществование на одной планете должно заставить нас объединиться, чтобы не допустить ужасов новых войн. Сегодня для этого остро необходимо возрождение культуры дипломатии, диалога, поиска баланса интересов в противовес инстинктам быстрых решений и желанию «наказывать непокорных». По сути речь идет о сбережении человечества во всем его богатстве и многообразии.

Содержательно этот пассаж адресован всему человечеству и призван подчеркнуть миролюбие как основной приоритет внешней политики России. Критика в адрес оппонентов выражена применительно к практикуемым ими действиям,

которые основаны на инстинктах быстрых решений и желании доминировать (*наказывать непокорных*). Понятно, что инстинктивным действиям нужно противопоставить рациональные поступки, а стремление доминировать должно уступить место признанию многообразия человеческих организаций. Подчеркнем стилистику этого важного высказывания: цитируя Сенеку, С.В. Лавров не просто демонстрирует свою эрудицию, но и показывает, что Россия считает себя наследницей мирового интеллектуального богатства и стремится выражать общечеловеческие ценности. Выражение «*отцы-основатели*» исторически используется применительно к тем, кто заложил основы политического устройства США (Founding Fathers). Тем самым признается, что Россия ценит значимость вклада американской цивилизации в современное мироустройство.

Выступление министра иностранных дел Китайской Народной Республики Ван И на этой сессии Генеральной Ассамблеи ООН было выдержано в традиционной для Китая уважительной тональности по отношению к мировому сообществу (http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-09/22/content_41633207.htm). Как и другие докладчики, представитель Китая изложил понимание международной политической ситуации с позиций своей стороны, сделав акцент на китайском проекте развития человечества:

ООН внесла выдающийся вклад в дело мира и развития человечества, однако мечта о том, чтобы каждый человек мог наслаждаться миром, развитием и достоинством, пока не осуществилась. Два года назад председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении на общих дебатах сессии ГА ООН призвал «создать международные отношения нового типа, ядром которых будут сотрудничество и взаимный выигрыш, а также построить глобальное сообщество с единой судьбой».

Заслуживает внимания формулировка «мир, развитие и достоинство» как перспективы развития человечества. Мир в этом контексте осмысливается как существование разных государств в обстановке сотрудничества, развитие — как возможность эффективно использовать достижения научно-технического прогресса и достоинство — как уважительное отношение всего мирового сообщества к каждому государству. Подчеркнуто, что эта мечта человечества до сих пор не осуществилась. Представитель Китая процитировал слова лидера своей страны о необходимости построения «глобального сообщества с единой судьбой». Этот тезис свидетельствует о готовности Китая взять на себя долю ответственности за развитие человечества в целом и свидетельствует о понимании руководством своей страны ее роли в судьбе всего мирового сообщества. Обратим внимание на то, что в выступлении американского Президента акцентированно выражена мысль о том, что приоритетом государственной политики США являются интересы его страны.

В этой связи оратор подчеркнул роль ООН, которая должна «*стать движущей силой мирового развития, продвигать демократизацию, рационализацию международных отношений, управлять ими на основе закона и направлять глобальное управление, способствовать многообразию цивилизаций, культур и наций и стать связующим звеном внутри человеческой цивилизации*».

В качестве концептуальных приоритетов мирового развития названы демократизация, рационализация, соблюдение законов, многообразие цивилизаций. Эти направления в известной мере соответствуют идеалам общественного устройства в конфуцианстве. Тем самым представитель Китая подчеркнул целесообразность учета исторических традиций. Стилистика его выступления свидетельствует о том, что Китай стремится избежать конфронтационных отношений с кем бы то ни было, настаивает на политике здравого смысла и развитии многообразия культур.

Финальный тезис выступления Ван И подчеркивает заинтересованность руководства его страны в мирном взаимовыгодном развитии человечества:

Прогресс Китая и дальше принесет миру больше дивидендов в области мира, развития и управления. Китай является «стабилизатором» в процессе осуществления мира на планете, «двигателем» в развитии и процветании, а также «ускорителем» для реализации мультилатерализма.

Обратим внимание на диалектику основных понятий в модели мира, которая изложена докладчиком: на первый взгляд, стабилизатор и ускоритель взаимно исключают друг друга, но в соответствии с китайской философской идеей взаимосвязи противоположностей (инь и ян) мировое равновесие базируется на подобных диадах. Мультилатеральность (многосторонность) отражает реальное положение дел и недопустимость унификации мирового порядка.

Министр иностранных дел Республики Казахстан К. Абдрахманов, выступая с докладом на этой сессии Генеральной ассамблеи ООН (<http://mf.gov.kz/ru/content-view/vystuplenie-ep-g-na-kajrata-abdrahmanova>), сосредоточил внимание на модернизации Казахстана, на роли своей страны в развитии регионального сотрудничества и важности борьбы за ликвидацию ядерного оружия:

Процессы экономической и политической модернизации будут сопровождаться нашим стремлением к модернизации национальной идентичности Казахстана и его собственного культурного кода, чтобы создать условия для нового поколения конкурентоспособных и прагматичных граждан и лидеров с жаждой знаний, прогрессивным сознанием и открытостью.

Обращаясь к мировому сообществу, министр подчеркнул стремление политического руководства своей страны вывести Казахстан на принципиально новый уровень экономического развития, для которого требуется воспитать новое поколение граждан республики в качестве активных современных компетентных и прагматичных людей. Прагматизм как мировоззрение является стержневым качеством общества, сориентированного на ценности рыночной экономики. Тем самым докладчик показывает элитам Западной цивилизации готовность его страны принять в качестве основных ориентиров высокую состязательность и приоритеты индивидуалистического мировоззрения.

Акцентируется важность укрепления регионального сотрудничества:

Мы делаем упор на создании в нашем регионе Центральной Азии модели региональной зоны мира, безопасности, развития и сотрудничества.

Эта модель созвучна китайскому проекту «Один пояс — один путь», предполагающему взаимовыгодное экономическое и идеологическое развитие независимых государств Центральной Азии.

Особое внимание оратор уделил теме ядерного оружия, заявив о том, что необходимы «*всеобъемлющий запрет ядерных испытаний, полный запрет ядерного оружия, а также полное и поддающееся проверке уничтожение ядерных арсеналов*».

Этот тезис адресован мировому сообществу как отчетливое выражение осуждения испытаний ядерного оружия, проводимых в Северной Корее.

Известны достижения Казахстана по борьбе с международным терроризмом. Представитель республики сформулировал конкретные предложения для повышения эффективности этой борьбы:

Казахстан выступает за максимально широкое применение многосторонних механизмов и инструментов для борьбы с иностранными боевиками-террористами и закрытие каналов финансовой поддержки их деятельности за счет незаконной торговли наркотиками, природными ресурсами и культурным наследием. Поскольку существует широкий спектр подходов к проблеме контроля над интернет-контентом, Организация Объединенных Наций необходимо предпринять согласованные действия для предотвращения использования Интернета для вербовки, распространения террористической идеологии и радикализации населения, особенно среди молодежи. В Казахстане мы работаем над созданием национальной системы «Кибер-щит».

Этот тезис адресован мировому сообществу, но вместе с тем является призывом к специалистам во всем мире ускорить работу по повышению надежности защиты пользователей сети Интернет от воздействия террористической идеологии на молодежь через современные сетевые технологии. Обратим внимание на стилистику выражения приоритетов внешней политики Казахстана: используются рациональные аргументы, а не риторические фигуры украшения речи.

ВЫВОДЫ

Подведем основные итоги.

Публичный политический дискурс в жанре официальных выступлений на международном форуме представляет собой выражение идеологических приоритетов руководства страны, которую представляет оратор. Эти приоритеты формулируются в двух основных разновидностях: с акцентированием интересов своего государства либо всего мирового сообщества. Тематика таких выступлений отражает актуальные проблемы современной политической ситуации и противоборство основных участников мировой политики. Институциональная организация такого дискурса соответствует канонам международных встреч дипломатов, но возможны отклонения от этих канонов. Основными адресатами такого дискурса выступают представители мирового сообщества, включая заинтересованное население своих стран и стран-союзников. Тезисы, вынесенные на обсуждение, предназначены и для тех адресатов, которые являются оппонентами, а в ряде случаев и противниками говорящих. Предполагается, что эти адресаты должны сделать выводы о возможности последующих действий со стороны своих критиков. Стилистика таких выступлений, их риторическая организация отражают вкусовые предпочте-

ния основных участников современного политического процесса, эти предпочтения оказывают влияние на вербальное поведение политологов и медийных специалистов. Тональность выступлений политиков, выбор тех или иных коммуникативных поступков являются важнейшими индикаторами возможного перевода слов в действия.

© Карасик В.И.

Дата поступления: 1.01.2018

Дата приема в печать: 9.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст: монография. Волгоград: Нива, 2008.
2. Базылев В.Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России—2: Материалы раб. совещ. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 6—8.
3. Балашова Л.В. Реализация концептов «свой — чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 40—50.
4. Баранов А.Г. Прагматика как методологическая перспектива языка. Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. 188 с.
5. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108—118.
6. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88—120.
7. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика: учебное пособие. Екатеринбург: УрГПУ, 2006.
8. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем. Волгоград: Перемена, 1997.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
10. Карасик В.И. Адресатная специализация в разных типах дискурса // Языковые процессы в эпоху глобализации: Материалы Международного научного семинара (Москва, 22 декабря 2016 г.). М.: МГПУ, 2016. С. 79—86.
11. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
12. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург—Пермь: ЗУУНЦ, 1995.
13. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22—129.
14. Попова Е.А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1995.
15. Попова С.В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011.
16. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 170—194.
17. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
18. Филиппова М.А. Идеологический концепт «демократия» (на материале лингвокультуры США): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
19. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
20. Bergsdorf W. Politik und Sprache. München, Wien: Olzog, 1978.

21. *Bitzer L.F.* Political Rhetoric // Handbook of Political Communication. Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. P. 225—248.
22. *Chilton P.A.* Politics and Language // The Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. R.E. Asher. Oxford, New York: Pergamon Press, 1994. P. 3214—3221.
23. *Denton R.E. Jr., Woodward G.C.* Political Communication in America. New York: Praeger, 1985.
24. *Dieckmann W.* Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Heidelberg: C. Winter, 1969.
25. *Dijk T.A. van.* Discourse Semantics and Ideology // Discourse and Society. Vol. 6. No. 2. 1995. P. 243—285.
26. *Graber D.* Political Languages // Handbook of Political Communication. Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. P. 195—224.
27. *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society. L.: Heinemann, 1984.
28. *Meadow R.G.* Politics as Communication. Norwood (New Jersey): Ablex Publ. Co., 1980.
29. *Zimmermann H.D.* Die politische Rede: Der Sprachgebrauch Bonner Politiker. Stuttgart: Kohlhammer, 1975.

УДК: 81'276.6:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49

ADRESATA SPECIALIZATION IN PUBLIC POLITICAL DISCOURSE

Vladimir I. Karasik

Volgograd State Socio-Pedagogical University
Lenina pr., 27, Volgograd, Russia, 400066

Abstract. The paper deals with public political discourse as presented in official speeches at the UN General Assembly sessions. I argue that main approaches to discourse studies may be defined as analysis of topic, institutional structure, tonality and performative meaning of communication. Three main types of addressees in public political discourse are singled out: general public, basic opponents and professional interpreters. Usually orators emphasize the priorities of humankind when analyzing the world political situation but sometimes they make accent on the problems of their own states or regional interaction. Stylistic and rhetorical format of official presentations at the UN mostly corresponds to norms of diplomatic interaction but sometimes it deliberately deviates from such norms which proves that media discourse with its entertaining techniques gradually infiltrates new areas of communication. Political speech tonality is the most important priority indicator of possible practical actions the world powers may take in their international policy.

Key words: political discourse, institutional communication, addressee specialization, emotional and stylistic format, verbal behavior

REFERENCES

1. Astafurova, T.N. & Olenic, A.V. (2008). Lingvosemiotika power: sign, word, text. Volgograd: Niva. (In Russ).
2. Bazylev, V.N. (1998). To the study of political discourse in Russia and the Russian political discourse the Political discourse in Russia—2: proceedings of the RAB. the meeting. Moscow: Dialogue-MSU. pp. 6—8. (In Russ).

3. Balashova, L.V. (2014). The Implementation of the concepts of “friend or foe” in Russian political discourse of the beginning of XXI century, *Political linguistics*, 1 (47). pp. 40—50. (In Russ).
4. Baranov, A.G. (2008). Pragmatics as the methodological perspective of the language. Krasnodar: Prosveschenie-Yug. (In Russ).
5. Baranov, A.N. (1997). Political discourse: a farewell to ritual, *Man*, 6. pp. 108—118. (In Russ).
6. Blakar, R.M. (1987). Language as a tool of social power. In *Language and modeling of social interaction*. M.: Progress. pp. 88—120. (In Russ).
7. Budaev, E.V. & Chudinov, A. P. (2006). Modern political linguistics: teaching aid. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ).
8. Wodak R. (1997). Language. Discourse. Politics / TRANS. from English. and it. Volgograd: Peremena. 139 C. (In Russ).
9. Karasik, V.I. (2002). Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. 477 p. (In Russ).
10. Karasik, V.I. (2016). Adresata specialization in different types of discourse. In *Linguistic processes in the era of globalization: Materials of International scientific seminar (Moscow, 22 December 2016)*. M.: MGPU. pp. 79—86. (In Russ).
11. Kostomarov, V.G. (1994). Language taste of epoch. From observations of speech practice of mass-media. Moscow: Pedagogika-Press. (In Russ).
12. Kupina, N. (1995). Totalitarian language: dictionary and speech reaction. Ekaterinburg—Perm: SOUNZ. (In Russ).
13. Austin George. (1986). Word as action, *New in foreign linguistics*. Vol. XVII. The theory of speech acts. M.: Progress. pp. 22—129. (In Russ).
14. Popova, E.A. (1995). Cultural and linguistic characteristics of political discourse (on the material of newspaper interviews): [abstract of dissertation]. Volgograd. (In Russ).
15. Popov, S.V. (2011). Linguo-cultural type “school teacher”: the subjective positioning: [abstract of dissertation]. Volgograd. (In Russ).
16. Searle, J.R. (1986). The classification of illocutionary acts. In *New in foreign linguistics*. Vol. 17. M.: Progress. pp. 170—194. (In Russ).
17. Stepanov, Y.S. (1997). Constants. Dictionary of Russian culture. Study experience. Moscow: School “Russian culture Languages”. (In Russ).
18. Filippova, M.A. (2007). Ideological concept of “democracy” (in the linguistic culture of the USA): [abstract of dissertation]. Volgograd. (In Russ).
19. Sheigal, E.I. (2004). Semiotics of political discourse. Moscow: Gnosis. (In Russ).
20. Bergsdorf, W. (1978). Politik und Sprache. München, Wien: Olzog.
21. Bitzer, L.F. (1981). Political Rhetoric. In *Handbook of Political Communication*. Beverly Hills, London: Sage Publications. pp. 225—248.
22. Chilton, P.A. (1994). Politics and Language. In *The Encyclopedia of Language and Linguistics*, R.E. Asher (ed.). Oxford, New York: Pergamon Press. pp. 3214—3221.
23. Denton, R.E.Jr. & Woodward, G.C. (1985). Political Communication in America. New York: Praeger.
24. Dieckmann, W. (1969). Sprache in der Politik. Einführung in die Semantik und Pragmatik der politischen Sprache. Heidelberg: C. Winter.
25. Dijk, T.A. (1995). Van. Discourse Semantics and Ideology. *Discourse and Society*, 2. Vol. 6. pp. 243—285.
26. Graber, D. (1981). Political Languages. In *Handbook of Political Communication*. Beverly Hills, London: Sage Publications. pp. 195—224.
27. Habermas, J. (1984). The Theory of Communicative Action. Vol.1. Reason and the Rationalization of Society. L.: Heinemann.
28. Meadow, R.G. (1980). Politics as Communication. Norwood (New Jersey): Ablex Publ. Co.
29. Zimmermann, H.D. (1975). Die politische Rede: Der Sprachgebrauch Bonner Politiker. Stuttgart: Kohlhammer. (In Russ).

Для цитирования:

Карасик В.И. Адресатная специализация в публичном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 1. С. 32—49. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49.

For citation:

Karasik, V.I. (2018). Adresata specialization in public political discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 32—49. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49.

Vladimir I. Karasik, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 32—49. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49.

Сведения об авторе:

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории английского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета; *научные интересы*: социолингвистика, лингвокультурология, теория дискурса; *e-mail*: vkarasik@yandex.ru

Bio Note:

Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of theory of English language at the Volgograd State Social and Pedagogical University; *scientific interests*: sociolinguistics, cultural linguistics, theory of discourse; *e-mail*: vkarasik@yandex.ru